

Красная гора

The book cover features a futuristic cityscape with tall skyscrapers reflected in water. The sky is a deep blue, with a large planet visible on the right side and a jet streak across the top. The title 'Красная гора' is written in white at the top, and the author's name 'Алёна Лонкина' is at the bottom. A '12+' age rating is in a circle on the right.

12+

Алёна Лонкина

Алёна Дмитриевна Лонкина

Красная гора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64098267

SelfPub; 2021

Аннотация

Короткая история о трагедии маленького человека в реалиях освоения космоса, отсылающая ко многим историческим несчастьям, где жертв и героев – тысячи, но все они неизвестны.

Алёна Лонкина

Красная гора

Оставалось две недели до того, как за капитаном М. должны были прислать корабль с Земли.

Оставшиеся дни он в основном подъедал все запасы на базе, которые наверняка пропали бы зря: повторной экспедиции на UG-0061 не ожидалось. Или же ожидалось, но спустя пару десятков лет, и за это время, база покроется толстым слоем пыли, а запасы провизии придут в негодность. Потому М. решил, что уничтожение галет, тушёнки и шоколадных вафель будет его последней миссией в этой экспедиции. Миссия была вполне выполнима, хоть и достаточно трудна: консервы и сухие завтраки успели за три месяца изрядно надоесть своим бумажным вкусом. Все готовые супы он прикончил ещё в первый месяц, и теперь ему часто снился наваристый борщ с жирной чуть кисловатой сметаной. Ещё его часто посещал золотистый дымящийся плов, который он пару лет назад попробовал в Казахстане, куда они ездили с Ксюшей и детьми в гости на свадьбу друга. Плов его научили есть руками, обжигаясь и облизывая жир с локтей и пальцев, запивая кислым ягодным морсом. Этот морс, впрочем, как и черный душистый кофе, снились М. тоже очень часто. На базе была лишь вода в больших пластиковых тарах, такого же бумажного вкуса, как и всё прочее. Вообще М. послед-

нее время спасался воспоминаниями и удивительно яркими галлюцинациями.

Исследование провалилось, но возвращать его раньше срока не собирались – всё оплачено, будьте добры потерпите, поживите, может ещё что-нибудь произойдёт. Но видимо детектирование UG-0061 было ошибочно изначально, и никакой жизни на крохотной планетке не оказалось. А признаки этой жизни, которые якобы зафиксировали, можно было легко спутать с обычными шумами всякого рода энергополей. Но его всё равно оставили, и он послушно продолжал вести ежедневник, тщательно записывая, всё, что происходит вокруг него, в том числе и просто свои мысли. И всё больше с каждым днём становилось воспоминаний и снов. Они украшали его безвкусную и бесцветную жизнь и постепенно становились всё более четкими и живыми, почти галлюциногенными. В дневнике он писал так:

"День 45. Обошёл базу – не обнаружил никакой активности. Взял образцы песка из нового места – тоже самое. Добрался до горы, взобраться опять не удалось, гора не изменилась. Сегодня видел удивительный сон, он не пропал, даже когда проснулся: первое свидание с Ксюшей. Даже вспомнил, что тогда ели. И как она смеялась, и заправляла волосы за правое ухо, а они не слушались, и уронила кусочек пирожного на юбку, а шоколадная крошка прилипла на кончик ее носа. Вспомнил даже вкус сладкого черного чая, который тогда взял, и какая жёсткая курица была в салате. Много бы

сейчас отдал за тот салат. Ещё видел Москву. Нашу квартиру, до мельчайших деталей..."

Когда он отрывался от листа тетради, увлеченный захватившими образами, оказывалось, что он исписал несколько страниц, и осталось у него всего ничего от тетради. А впереди ещё две недели. Писал он карандашом и поэтому со вздохом стирал большую часть про Ксюшу, пирожное и квартиру. Карандаши тоже кончались...

Каждые утро и вечер ему поступал звонок от диспетчера с Земли. Они обменивались дежурными фразами, и М. ловил себя на том, что еле держался, чтобы не рассказать диспетчеру, совершенно незнакомому ему человеку с сонным голосом, обо всех этих воспоминаниях. Ещё о невкусных пайках и жутких вечерах, которые никогда не кончаются, без телевизора и с одной и той же книгой, которую он перечитывал в 6 раз. А ещё об этой горе. Она привлекла его еще в день высадки. Серая бескрайняя пустыня без единого растения и внезапно – гора. Красная гора... Но диспетчер, убедившись, что М. жив и, в общем, то физически здоров, тут же отключался. А М. снова оставался со своими воспоминаниями и с размышлениями о горе. Она была относительно далеко от базы, и он не рассчитал силы, когда решил однажды изучить ее вблизи. В тот вечер он не прошёл и половины пустыни, совершенно выдохшись без привычного притяжения и тяжёлого скафандра. Затем он вышел пораньше, днём, но добрался до середины в полной темноте, и снова

ему пришлось возвращаться. К горе он двигался почти пять дней, как та несчастная улитка из школьной математической задачи. Когда же наконец добрался, был разочарован. Вселяющий тревогу и волнение красный цвет оказался песком, не отличающимся составом от все покрывающего серого. А сама гора не имела ни трещин, ни пещер, и казалось ему с тех пор совершенно бессмысленным и неуместным предметом, даже немного портящим общее серое величие пустыни. Взобраться на гору ему так и не удалось, в том числе и с подручными средствами. Поскальзываясь и скатываясь с песка, он то и дело вспоминал, почему то улитку из той задачи. И никак не мог припомнить вопрос задачи. То ли, за сколько дней, то ли доберется ли вообще... Возвращаясь на базу, он продолжал мучиться и гадать. Он подумывал дать горе название, по праву первооткрывательства. Но так и не решил: в честь жены или в честь детей. Он все время хотел спросить у сонного диспетчера, сможет ли он передать пару слов Ксюше, что всё в порядке, что ничего не происходит, и она снится ему постоянно вместе с Наташкой и Юликом, но решил, что лучше не делать этого через незнакомого человека, который наверняка все перепутает или вовсе забудет. Потому он просто считал дни, вёл дневник и наблюдал за красной безымянной горой...

За день до отправки он решил в последний раз сходить к ее подножию, попрощаться, и может даже взобраться наконец. Пометившись у диспетчера, он в приподнятом настро-

ении быстро доел последний запасной паёк и, захватив экипировку, отправился к горе.

Ночью прошел сильный ураган, и ветер обнажил многие камни, скрытые под серым песком. К горе он подошёл в полдень. Никакая буря не способна была ей навредить. Однако местами красный песок облетел, оголив такого же цвета камень, который оказался не гладким, а в выступах, похожих на кривые ступени, которые как будто вылепили могучие руки великана. М, ещё раз обойдя вокруг подножие горы и, в который раз, не обнаружив ничего примечательного, начал восхождение. Цепляясь крюками за отвесные места, он осторожно искал ногой выступы. Пару раз он почти срывался вниз, не найдя очередной опоры, и беспомощно барахтался в громоздком неуклюжем скафандре. Прошло около часа, прежде чем, взмыленный и запыхавшийся, он, наконец-то нащупал последний выступ. С вершины горы ему открылся всё тот же мрачный вид бескрайне пустыни: серой и мёртвой. Гораздо интереснее была сама вершина. Красного песка больше не было. Пройдя немного вперёд, осторожно ступая по незнакомой поверхности, он вдруг заметил, что сквозь камень проступали странные зелёные вкрапления. Нагнувшись, М. с удивлением обнаружил, что они напоминают обыкновенный земной мох. Он присел на корточки, еле удерживая равновесие, чтобы лучше рассмотреть находку. Сначала он решил, что это очередная галлюцинация, напоминающая ему о Земле, но, сколько он не вглядывался

в них, они не исчезали и не преображались в более сложные узоры. Перед ним, пускай и в самых малых, даже ничтожных масштабах была жизнь. Такой мох он много раз видел на лесных деревьях, у самого основания ствола и никогда не обращал внимания. Теперь же он смотрел на него, как на настоящее чудо, чуть ли не дар Божий в безжизненной серой пустыне.

М. долго смотрел на мох, не отрываясь, пока не зарябило в глазах и не стало ломить спину от неудобной позы, и тогда, очнувшись, он решил взять образец на анализ. Дрожащими руками он стал копаться в сумке, ища щипцы и контейнер. В голове его кружились и путались мысли: экспедиция удалась... он нашёл... что теперь будет... переворот в истории... Ксюше бы рассказать... не поверит... нужно как можно больше взять... чтобы всем хватило... наверняка попросят другие... это значит мы не одни... ага, как в той шутке: есть ли жизнь на Марсе? есть, есть... мы не одни...

Щипцы он так не смог найти, видимо оставил на базе. Открыв контейнер, он осторожно начал соскабливать в негр рукой зелёные пятна. Пальцы не слушались в толстой кожаной перчатке. Пришлось долго бродить и долго лежать на коленях, ища наиболее пышные участки. Убрав наконец наполненный контейнер, он в последний раз взглянул на вид, открывавшийся с вершины и на оставшийся мох, который показался ему вдруг светящимся изумрудом, и стал спускаться с горы. Похлопав в последний раз по красному камню, он

решил, что нужно поспешить на базу, собирать вещи и обрадовать через диспетчера управление своим неожиданным открытием...

Не пройдя и трёх метров в сторону базы, он почувствовал странное жжение на руке, которой он и собирал образцы. Сначала он не обратил внимания, сославшись на усталость, но скоро жжение усилилось и распространилось от пальцев к ладони, а затем к предплечью. Когда он подходил к базе, горела уже вся рука и грудь. Невозможность снять скафандр тотчас и осмотреться только усиливала боль. Наконец, очутившись в пропитанной теплым живительным воздухом комнате, он стал, путаясь в замках и кнопках, стягивать скафандр. Раздевшись до трусов, он подбежал к зеркалу и обнаружил пятна, покрывающие правую руку и переходящие на правую сторону груди, похожие на крапивницу, которые продолжали гореть и чесаться от прикосновения. Однако дальше груди пятна не пошли. Скорее всего, был виноват мох, но объяснить, как его частицы попали через трехслойную перчатку скафандра, М. не смог и не успел подумать над этим: пронзительно заверещал телефон. 6 часов вечера – проверка диспетчера. Не одеваясь, М. подбежал к трубке:

–Капитан М. доложите о своем присутствии.

–Да, это я. Это я...

–Как Ваше самочувствие?

–Я... Послушайте. Только что... около пяти часов назад я поднялся на ту гору... о которой докладывал...

–Как Ваше самочувствие?

–Нет, дослушайте меня. Я поднялся... Я обнаружил кое-что... Как сказать... Жизнь! Признаки настоящей жизни. Что-то вроде растения... Вернее моха... Я...

–Хотите доложить о чрезвычайной ситуации?

–Да, да

–Соединяю Вас с управлением...

Прошло долгих пять минут, во время которых М. отчётливо слышал в ушах стук своего сердца и чувствовал, как все сильнее горит поражённая рука.

"А вдруг я сейчас умру?" – пронеслось у него в голове, хотя он не чувствовал признаков скорой потери сознания. "А тогда Ксюша..." Тут снова заговорил телефон. Его звал незнакомец с бодрым не механическим голосом:

–Капитан М. Вы меня слышите? Центральное управление капитану М.

–Да, да, я Вас слышу!

–Вы сигнализировали о ЧС. Что случилось?

–Я обнаружил... Жизнь.

–Повторите, плохая связь. Что Вы обнаружили?

–Мох, растения, признаки жизни. Я собрал образцы.

–Прежде Вы докладывали об отсутствии любых признаков жизни.

–Я поднялся на красную гору. Совсем недавно. Там обнаружил зелёные участки, похожие на обычный мох.

–Вы уверены?

–Да, абсолютно.

На том конце видимо бросили трубку и убежали. М. стал терпеливо ждать, на автомате расчесывая горевшую руку. Наконец управление снова подключилось. Тот же голос, однако, рядом с ним было ещё несколько голосов, взволнованно гудящих на фоне:

–Капитан М.! Повторите.

–Повторяю: совершил восхождение на гору, обнаружил признаки жизни. По виду обычный мох. Собрал образцы...

Голоса загудели сильнее. На несколько минут про М. забыли, а потом тот же голос торжественно произнёс:

–Капитан М. Мы Вас поздравляем. Ваша миссия выполнена. Ждём Вас с нетерпением домой...

–Подождите. Дело в том, что со мной, что то происходит. Я его собирал, мох, руками и теперь, что то вроде аллергии, спросите у медиков, что мне принять...

На другом конце внезапно стих весь гул. М. подумал: переглядываются. Потом главный спросил:

–Капитан М., Вы контактировали с объектом?

–Да, но я же не голыми...

–Опишите симптомы.

–Рука, правая, на ней, вроде крапивницы. По ощущениям жжется и чешется. Других симптомов не наблюдаю.

–Жар, головокружение, тошнота, что то другое?

–Нет, чувствую себя как обычно. Что мне делать? В аптечке должен быть супрастин...

–Капитан М. Вы уверены, что симптомы начались после вашего контакта с обнаруженным объектом?

–Да, уверен, так что мне...

–С Вами свяжутся.

Пошли гудки, М. положил трубку. Обернувшись к зеркалу, он ещё раз внимательно осмотрел пятна. Конечно, ему было немного страшно. Даже больше не по себе. Он успокаивал себя тем, что вопросом занимаются специалисты, лучшие медики, и они скажут, что ему делать, что принять или вообще ничего не принимать – это просто реакция организма на незнакомый внешний раздражитель. Главное, он не задыхался, не терял сознание, не было никаких признаков инсульта или горячки... Тут снова затрещонил телефон. М. вздрогнул и быстро снял трубку. На том конце шёл оживленный и громкий спор нескольких человек. В общем гуле было сложно разобрать о чем идёт речь, М. лишь уловил несколько фраз, крикнутых кем то, прежде чем обратились непосредственно к нему: "таким не рискуют...ради одного...помните 2020?...я против...неизвестно насколько...один против миллионов..."

–Капитан М. Вы подключились? – уже знакомый командующий голос обратился к М. Спорящие не обратили внимания.

–Это капитан М. Да, я здесь, я Вас слышу.

–Коллеги, тише. Сейчас с Вами будет говорить один из медиков, перескажите точно все симптомы и ощущения, как

можно точнее для составления общей картины заболевания.

–Так точно. Но это больше похоже на аллергию, я уже говорил.

Но к нему уже обратился один из спорящих и заставил подробно рассказать обо всех деталях внезапного недуга. М. повторил всё несколько раз, затем про него снова забыли, и спор возобновился с ещё большим энтузиазмом. Какое то время М. прислушивался, но безрезультатно – спорящие отошли от пульта управления, и разобрать их слова стало невозможно. К телефону снова подошёл главный голос:

–Благодарим за подробный отчёт, капитан М. Возможны дальнейшие указания, после срочного сбора. Образцы биоматериала положите в аварийный кейс для безопасности. С Вами свяжутся.

Пошли гудки. М. вернулся к зеркалу. Пятна не уходили. Порывшись в аптечке, он нашел супрастин, и, проглотив без воды – ее оставалось только на следующие полдня до отправки, лёг на кровать, стараясь не расчёсывать руку и грудь. Он заснул всего на час, а когда проснулся, не обнаружил пропущенных звонков. Тогда он стал звонить сам, но телефон никто не брал, видно совещание затянулось. Ближе к вечеру он с облегчением обнаружил, что жжение стало утихать. Было ли это действие антибиотика или просто везение он так и не решил, но постепенно пятна стали уходить. Сначала прошла грудь, потом рука. На месте пятен стали мгновенно образовываться сухие корки, какие бывают после зажив-

ших ожогов. М. повеселел. Он даже рассмеялся, вспомнив первые мысли, которые пришли к нему поначалу в панике: надо бы как то связаться с Ксюшей – вдруг не вернусь, позвать детей, попрощаться... Теперь же, счастливо наблюдая свое чудесное выздоровление, он настойчиво стал набирать номер диспетчера каждый пять минут и спустя десяток звонков, трубку все-таки подняли. Отозвался уже знакомый механический сонный голос:

–Диспетчер на связи.

–Приём, свяжите меня с управлением.

–Срочный сбор, никто не может подойти.

– Да, я знаю. Тогда передайте, что всё в порядке. Ложная тревога. Я абсолютно здоров. Это действительно простая аллергическая реакция. Все в порядке.

–Управление получит ваше сообщение. Ваш доклад закончен?

–Нет, постойте. С кораблём всё по-прежнему? В три по московскому?

–Изменения в расписании отправки кораблей не были сообщены.

–Тогда я буду ждать. Передайте обязательно, что всё в порядке.

–Конец связи.

М. какое то время слушал прощальные гудки. Чрезмерная механичность ответов диспетчера насторожило его: с ним говорили, будто он в чем то провинился. Но после решил,

что и правда доставил много хлопот своим сообщением о находке, а затем о своем недомогании. "Ну я же передал, что все хорошо..." – успокаивал он себя, собирая вещи: "они разберутся. Лишь бы диспетчер передал". Вещей было не так много: контейнеры с образцами, сумка с одеждой, зубной щеткой и мочалкой и расклеенные над кроватью и рабочим столом фото Ксюши с детьми. Отрывая их, он задерживался на несколько минут, чтобы внимательнее рассмотреть. Корабль в три, значит, домой он будет дома на той неделе, получается в четверг. По четвергам Ксюша делает рыбу. Красную обычно. Украшает. Как раз к ужину и приеду. Перед глазами у него тут же всплыло их фарфоровое блюдо, подаренное Ксюшиной мамой на их годовщину, на которое Ксюша всегда выкладывала по четвергам красную дымящуюся рыбу, с каплями лимонного сока на косточках и вкраплениями черного перца на поджаренной корочке. М. вздохнул и встряхнувшись, чтобы отогнать манящий образ, и продолжил собираться. К 10 вечера он управился. Ещё раз проверив совсем зажившие ожоги, которые уже зарубцевались, он лёг на кровать, хотя был уверен, что уснуть не сможет – слишком много мыслей клубилось в голове: и о завтрашнем отъезде, и о находке, и о странной внезапной болезни, которая также внезапно прошла...

Очнулся он в 7 утра и удивился, что телефон молчал. Обычно в это время ему звонил диспетчер. Возможно, из-за вчерашнего переполоха эта традиция нарушилась, про него

все забыли – стоял вопрос о новых формах жизни на далёком объекте, при этом возможно опасных... Поэтому М. решил проявить инициативу и самостоятельно напомнить о себе. Однако дозвониться не удалось ни с первого, ни с десятого раза. Он прождал пару часов, доел остатки вчерашнего пайка, позвонил снова, без результата. Он подумал, может, сломался телефон, и ему звонят и не могут дозвониться? Или же они всё ещё совещаются, но ведь он передал, что чувствует себя снова отлично? Может проблема с диспетчером – не вышел, его не заменили, а в общей суматохе не додумались проверить? В таких раздумьях он прождал до трёх часов. Была пора выходить к платформе. Он ещё раз сделал безуспешный звонок, а затем, одевшись и взяв вещи, в последний раз осмотрел свою унылую комнату и покинул базу. Сердце его колотилось всё нетерпеливее, пока он наблюдал за минутной стрелкой на своих часах, приближающейся к 3 часам. Как только стрелка добралась, он стал изучать чёрный и безжизненный купол, нависший над его головой и не имеющий краёв. Должна была показаться крохотная белая точка, которая приближаясь к поверхности планеты, ослепила его и оглушила. Корабль бы приземлился, подняв серую бурю вокруг себя и торжественно открыл бы люк перед М. Управление на нём автоматическое, есть несколько дисков с музыкой... Но никто не прилетал. Сначала прошло пять минут, что совсем не испугало М., затем 10, потом уже 15 и так дошло до получаса, затем пробило 4 часа. Опаздывать

корабль не мог – всё просчитано по секундам, в том числе и точное его время прибытия. Значит, его не отправили. М. вернулся на базу и набрал номер диспетчера. Ему ответили с третьего раза:

–Диспетчер на связи.

–Наконец Вы мне ответили. В чём дело? Корабля нет. Что...

–Сейчас его не будет.

–Как? Стойте, почему?

–Непредвиденные обстоятельства.

–И когда он будет?

–Информация не доступна. Ждите.

Пошли гудки. М., хоть был от природы человеком мягким и понимающим, начал терять терпение. Он пообедал оставшимися крохами и допил воду, затем разделся и снова набрал диспетчера. Ответили сразу:

–Диспетчер на связи.

–Слушайте, это начинает надоедать. Объясните, почему не будет корабля, когда он будет и что вообще происходит там у Вас?

–Информация на Ваш запрос отсутствует. Ждите ответа управления.

–Перестаньте так со мной разговаривать! Вы же не робот. По-человечески говорите! Простите, но я хочу домой. Я здесь уже месяц и это невыносимо. Вы передали, что я просил ещё вчера? Аллергии нет, я здоров, готов к отправке.

Ну?

–Повторяю: информации о корабле нет. Дождитесь ответа управления.

–Нет, это невозможно. Свяжите меня с управлением! Сейчас же! Я требую...

–Управление не доступно в данный момент.

–Послушайте, у меня дома жена. И дети. Им 5 и 8. Они меня ждут. Я больше здесь не могу. Как Вы не понимаете... Войдите в мое положение. Ну это же невозможно. Вы же тоже человек!

–В данный момент управление не доступно. У меня нет никаких полномочий или информации, которая будет Вам полезна. Ждите.

Снова пошли гудки. М. сгоряча отбросил трубку и она беспомощно затрепетала на проводе у самого пола. Капитан сел на кровать и закрыл лицо руками. Он подумал, как же сильно он устал. И ждать, и спорить, и вообще быть здесь. Ещё он подумал, что как только выберется, сразу же возьмёт отпуск. Недели на три. И на озеро. Или лучше на море. Главное, чтобы побольше людей, суеты и смеха. Научит Юлика плавать. Ната будет закапывать его ноги в песок. Ксюше надо купить купальник. И какое-нибудь лёгкое платье. Белое с кружевом. Чтобы как парус на солёном ветру...

–Он лёг на кровать и пролежал, закрывшись руками и свернувшись, оставшийся день потом вечер и ночь. Перед ним плавали знакомые и любимые образы, смеялась Ксюша,

бегали дети и тормошили его за плечо. Пахло пловом, во рту был запах рыбы, а потом кофе... Проснулся он снова в 7. Звонил много раз, не ответили. Разобрал, собрал сумку. Открыл книгу и тут же бросил, нагоняла тоску. Дождался трёх, допил последнюю воду, вышел с вещами на платформу. Корабля не было.

Ксения Николаевна, маленькая кудрявая женщина, уже три года ходит по полицейским участкам, поисковым бригадам и пытается попасть в исследовательский центр космического департамента. Туда ее не пускают, как постороннее лицо, но все давно знают, кто она и зачем ходит и мозолит всем глаза. Пропал муж. Ну и что? Мало ли сейчас пропадает? Загулял, бросил. При чем тут космический департамент? Но она настойчива, хоть и пуглива. Говорит, космонавт, отправили на далёкую планету, там якобы инопланетяне. Все только смеются. Один раз, чтобы отстала, пробрили по базе. Меркулов Юрий Иванович. Такого там нет, и никогда не было. Не существует Меркулова Юрия Ивановича, который улетел к инопланетянам. Но она всё ходит и ходит...

Иногда приводит с собой двух молчаливых ребят. Они держат мамину сумку, пока та бежит за всеми и сует им в руки мятую и затертую фотографию. На ней худощавый, весёлый человек обнимает ее одной рукой, а другой – держит в охапке двух детей: девочку и мальчика.